

Он с нежностью вспоминал Рождество своих ранних лет. Его мать вместе с эльфами приготовила бы банкет для всей семьи, и столовая на площади Гриммо была бы полна.

Но все изменилось, когда Арктуру исполнилось семь, в тот же год, когда скончалась его мать. С ее уходом все изменилось.

Его отец закрыл двери своего дома для всех, и с тех пор он не видел ни своего дядю Альфарда, ни каких-либо других родственников.

Реакция его отца на смерть матери была тем, что он находил странным больше всего.

Даже будучи маленьким мальчиком, Арктур знал, что Орион Блэк относился к своей жене не по-доброму. Она была немногим больше, чем горничной. Между его родителями никогда не было никакой привязанности, и его отец не пролил ни единой слезинки.

Арктур так и сделал, и хотя с годами ее лицо стерлось из памяти, он помнил ее улыбку.

Дорей делила ту же самую комнату, что и Кэсси, но он не видел ее почти пять лет вместе со своим братом Персеом.

Оба выбрали Рождество, чтобы попрощаться с семьей, оставив после себя только короткую записку и кольцо наследника.

И снова не было никакой реакции со стороны Ориона Блэка, который выбросил пергамент в огонь и бросил кольцо в Арктура.

"Похоже, теперь ты мой наследник", - проворчал он.

С тех пор о своенравных детях Блэков не упоминалось, но каждый год примерно в это время было одно и то же. Начиналась рождественская хандра, и праздники становились еще более унылыми.

Его отец больше не предпринимал никаких усилий, чтобы отметить торжества, предпочитая вообще игнорировать Рождество, что только усугублялось его слабеющим здоровьем.

Это были тонкие вещи, которые Арктур заметил сначала.

У Ориона были эпизоды, когда он забывал, что делает, и бесцельно бродил по дому. С тех пор все только развивалось, и теперь стало обычным делом, что его можно было застать где-нибудь на площади Гриммо за разговорами со своей покойной женой, которая, как он считал, все еще была жива.

Когда он приходил в себя, то в замешательстве качал головой, прежде чем запереться в своем кабинете.

Это было грустно видеть, и хотя Арктур не разделял близких отношений с этим человеком, он сочувствовал ему.

Это было так, как будто теперь он просто ждал смерти.

Мальчик покачал головой при этой мысли.

Его отец никогда не был самым рациональным из людей, но по мере того, как его болезнь неуклонно ухудшалась, его выбор и решения становились только более пагубными для

будущего семьи.

Он пытался помочь этому человеку, даже послал за целителями, чтобы узнать, можно ли что-нибудь сделать, но они не захотели работать с ним, не тогда, когда он сразу же разозлился и стал жестоким при виде их.

По правде говоря, Арктур был в растерянности относительно того, что еще он мог сделать.

Как он мог помочь человеку, который этого не хотел?

Он не мог, и лучшее, что он мог сделать, это защитить Дорею от гнева мужчины, когда он путал ее с женщиной, которую он, возможно, когда-то любил, но, конечно, не любил до конца ее жизни.

"Может, нам стоит покончить с этим?" Устало вмешалась Дорея.

Арктур кивнул, взяв ее под руку, и повел в столовую, где их ждал нехарактерно жизнерадостный Орион Блэк, ну, по его меркам, жизнерадостный.

Стол был уставлен тщательно приготовленными блюдами, комната впервые с тех пор, как он был маленьким мальчиком, была украшена праздничными украшениями.

"Что это?" - спросил я. - подозрительно спросил Арктур.

"Рождество", - ответил Орион с улыбкой, которая несколько не успокоила беспокойство его наследников.

"Мы не праздновали уже много лет", - напомнил ему Арктур.

"В этом году все по-другому", - пренебрежительно сказал Орион. "В этом году нам есть что отпраздновать".

Арктуру не понравилось, как это прозвучало.

Разум его отца был уже не тем, что когда-то, и он боялся, что кто-то нашел способ воспользоваться им.

"Что мы празднуем?" - осторожно спросил он, усаживаясь за стол.

"Мы дойдем до этого", - заверил его Орион, - "но сначала мы поедим".

Арктур нахмурился, глядя на мужчину, чья улыбка исчезла.

"ЕШЬ!" - взревел он, стукнув кулаком по столу, его глаза выпучились, когда Дорея вздрогнула от внезапной перемены в поведении.

Арктур этого не сделал. Он больше не боялся возмездия своего отца.

Орион Блэк теперь был болезненным человеком, более вспыльчивым, но гораздо медленнее управлявшимся со своей палочкой.

Вопросительно взглянув на мужчину, Арктур положил себе немного индейки, заставив мужчину сменить безумный взгляд на улыбку.

Дорей последовала его примеру, хотя и была на взводе.

Она так и не привыкла к приступам гнева их отца. По большей части Арктуру удавалось оградить ее от них, когда они выросли, даже если это означало, что ему пришлось принять на себя основную тяжесть этого.

Те дни уже прошли, но он никогда не забудет, что ему пришлось пережить из-за человека, который произвел его на свет.

"А как поживает моя прекрасная дочь?" - спросил Орион, как будто такой вопрос был обычным.

Насколько Арктур мог вспомнить, их отец не разговаривал с Дореей с тех пор, как она поступила в Хогвартс.

"Я в порядке, отец", - ответила она, не отрывая глаз от своей тарелки.

"Хорошо", - ответил Орион. "Я полагаю, мы должны начать рассматривать возможных кандидатов на вступление в брак в ближайшее время".

"Ей пятнадцать", - прорычал Арктур. "Она хочет быть целительницей и не выйдет замуж, пока не достигнет этого

". "Это так, мальчик?" Орион опасно вернулся.

"Так и есть".

Мужчина мгновение оценивающе смотрел на него, прежде чем снова улыбнуться.

"Конечно, ты права", - гордо заявил он. "Ты будешь прекрасным лордом".

Ноздри Арктура раздулись, но он промолчал.

Он был бы чертовски хорош, чем жалкое подобие человека, который сейчас возглавляет семью.

"Итак, что мы празднуем?" он нажал.

Орион фыркнул.

"Ты всегда был нетерпеливым", - фыркнул он, вытаскивая небольшой свиток пергамента из-под своей мантии и протягивая его Арктуру.

Мальчик нахмурился, увидев знакомый скорописный почерк, и развернул послание.

Дорогой отец,

Я полагаю, вы не ожидали услышать от меня снова, но, как это часто бывает, вы ошибались.

У нас с Кэсси все хорошо, и мы оказались в очень выгодном положении в группе могущественных волшебников, которые стремятся к изменениям в нашем мире.

Я обращаюсь к вам из вежливости и прошу вас встретиться с человеком, который обеспечит продолжение нашей семьи, поскольку она является самой влиятельной в волшебной Британии.

Грядут перемены, отец, и я умоляю тебя принять их. Сопротивление бесполезно, и только страдания ожидают тех, кто не подчиняется.

Хоть раз докажи, что ты лорд, который делает то, что правильно для его семьи.

Мои мысли, как всегда, с Арктуром и Дореей, и я с нетерпением жду вашего ответа, имея в виду их будущее.

Твой сын,

Персей Блэк III

Арктур покачал головой, закончив читать письмо.

Это не предвещало ничего хорошего.

Орион продолжал улыбаться, ожидая, когда заговорит его наследник, а Арктур мог видеть впереди только мрачные времена.

Он знал, кого имел в виду Персей. Слухи о том, что Гриндельвальд замышляет на континенте, годами доходили до волшебной Британии, и казалось, что он готовится наконец сделать свой ход.

Такое откровение не понравилось мальчику.

Он узнал о том, что произошло в Америке около десяти лет назад, о том, как Гриндельвальд вырвался из лап МАКУЗЫ и бежал в Европу, чтобы продолжить свою работу.

По правде говоря, он мало думал об этом человеке, но с этим письмом это было не то, что можно было игнорировать.

"Что вы намерены с этим делать?" он спросил.

"Ну, я, конечно, встречу с ним", - заявил Орион. "Кассиопея и Персей не дали бы клятвы без должного рассмотрения, и если в том, что сказал твой брат, есть хоть капля правды, то я бы хотел видеть нас на стороне победителей".

Арктур глубоко вздохнул, ответ был ожидаемым, но не менее желанным.

"Ты бы встал на сторону Гриндельвальда? Человек, который хочет нарушить закон о секретности, человек, который хочет поработить магглов. Почему? Что хорошего это даст?"

"Это означало бы, что нам больше не нужно прятаться!" - рявкнул Орион.

"Нет, это означало бы войну", - возразил Арктур. "Мы прячемся не от страха, а для самосохранения".

"И что ты можешь знать об этом, мальчик?" - спросил Орион. "Ты превратился в любителя грязнокровок?"

"Нет, - ответил Арктур, - я просто не хочу рисковать своей жизнью ради дела, которое привело бы к нашему краху", - добавил он, вставая. "Ты поступай как хочешь, отец, но я не буду предателем нашей страны. Как ты думаешь, сколько других лордов примут это?"

"Многие будут, если я это сделаю", - самодовольно сказал Орион.

"Тогда вы сделаете из нас мучеников, и когда эта группа потерпит неудачу, Британия не забудет, что Блэки поддерживали их".

С этими словами он взял Дорею за руку и вышел из кухни, не обращая внимания на бред своего отца и миску с морковью, которая врезалась в стену, когда они выходили.

"Что мы будем делать, Арктур?" - обеспокоенно спросила Дорея.

Мальчик покачал головой.

"Я не знаю, - честно ответил он, - но я буду охранять тебя. Несмотря ни на что."

Девушка одарила его благодарной улыбкой, и Арктур только пожалел, что не может ответить ей тем же.

Дела действительно выглядели мрачно, и если его отец поступит так, как он подозревал, в ближайшие месяцы и годы все станет только хуже.

Рождество для Минервы означало, что она большую часть дня проводила в церкви со своими матерью и отцом, последний проводил службы для местных жителей в деревне. Он был очень уважаемым человеком, сиял улыбкой, когда был со своей "паствой", как он их называл, но дома он был не таким.

Если бы не его вера, Минерва верила, что он оставил бы ее и ее мать много лет назад, в тот момент, когда обнаружил, что обе они ведьмы.

Ее мать была так влюблена в этого человека, что скрыла от него правду и вообще перестала заниматься магией, ее палочка хранилась в шкатулке под их супружеской кроватью.

Такая тайна длилась недолго и была раскрыта, когда Минерва была совсем маленькой, ее приступы случайной магии не могли быть скрыты ее матерью, которая наконец призналась, кем она была, когда скрывать это было уже невозможно.

Роберт МакГонагалл был, мягко говоря, шокирован и, как честный, религиозный человек, боролся со своей совестью и знаниями, которые он нес.

Минерва не сомневалась, что он все еще любит ее и ее мать, но осложнения только усложнили жизнь ее отцу.

"Сядь прямо", - прошептала ее мать, и улыбка обожания, с которой она смотрела на своего мужа, не дрогнула.

Изобель Росс происходила из семьи одаренных ведьм и волшебников и оставила их всех позади, когда сбежала с отцом-магглом Минервы.

Минерва никогда не встречалась с ними и знала, что семья ее матери, скорее всего, никогда не примет ее радушно.

Они не были настолько неприятны, чтобы питать какую-либо недоброжелательность или злой умысел по отношению к магглам, но они были чистокровными насквозь и восприняли то, что

сделала ее мать, как окончательное предательство.

Тем не менее, она была не из тех, кто жалуется.

Она выросла в доме с обоими родителями, никогда ни в чем не нуждалась, и ей разрешили посещать Хогвартс. Были и другие, которым повезло гораздо меньше, чем ей.

Ее мысли вернулись к Гарри, к тому, что он пережил, и что он сделал для нее.

Никто никогда не проявлял к ней такой доброты, ее популярность в основном объяснялась ее выступлением на поле для квиддича и дружбой с Августой.

Другие чистокровки знали, кто она такая, кто ее мать и что она сделала, хотя они давно научились не упоминать об этом при ней.

В конце концов, она унаследовала довольно вспыльчивый характер своей матери и обладала талантом убеждать тех, кто высмеивал ее, делать это только один раз.

Минерва тоже пережила то, что Гарри пережил сейчас с Абраксусом Малфоем и ему подобными, и только на четвертом курсе, когда она прокляла Стеббинса, они оставили ее в покое, хотя она верила, что Чарлюс Поттер, возможно, тоже вмешался от ее имени.

Мальчик никогда бы в этом не признался, но ее это не беспокоило с тех пор, как он провел первую судьбоносную встречу с Арктурусом Блэком, который также относился к ней с большим уважением, чем раньше.

Ей было интересно, как проходит Рождество Гарри с его семьей, мысли о нем согревали ее.

Несмотря на все, что ему пришлось пережить, он был милым мальчиком, который всегда находил для нее время и никогда не жаловался, когда она была поставлена в тупик проблемой и перекладывала ее на него.

За те месяцы, что она знала его, она считала его одним из своих лучших друзей, его трудолюбие, терпение и доброта быстро расположили его к ней.

Однако его последний жест заставил ее задуматься, было ли между ними что-то еще.

Она покачала головой.

Нет, его даром было то, что Гарри просто был самим собой. Не было никакого скрытого плана, никакого скрытого мотива для того, что он сделал, кроме того, что он ценил их дружбу так же сильно, как и она.

Не так ли?

Она тихонько вздохнула, не зная, что думать, и не желая слишком много думать об этом.

"Пойдем, Минерва", - подтолкнула ее мать, отрывая девочку от ее мыслей.

Она подняла глаза и увидела, что служба подошла к концу, и последние из желающих получить аудиенцию у ее отца терпеливо выстраивались в очередь по всему острову, чтобы сделать это.

Служба, возможно, и закончилась, но они не ушли бы еще час, пока были те, кто хотел побыть

со служителем в этот священный день.

Даже тогда Минерва не с нетерпением ждала конца дня.

Ее родители будут щеголять фальшивыми улыбками, притворяясь, что все хорошо, и Минерве тоже придется сыграть свою роль.

Честно говоря, и хотя она чувствовала себя виноватой за эти чувства; она ничего так не хотела, как вернуться в Хогвартс, и считала дни до своего возвращения в школу.

Пребывание у Поттеров было сюрреалистичным, и когда Гарри проснулся рождественским утром, он был уверен, что это то, к чему он никогда не привыкнет. Не то чтобы ему пришлось бы это делать, конечно. После сегодняшнего дня он навестит Николаса и Перенель, а затем проведет остаток каникул в замке.

Какими бы любезными и гостеприимными ни были Поттеры, он хотел, чтобы Чарлюс тоже провел некоторое время наедине со своими родителями.

Мальчик настоял, чтобы он вернулся, как только навестит своих тетю и дядю, но Гарри вежливо отказался.

Как бы сильно он ни хотел остаться здесь подольше, это только напомнило бы ему, что это было то, что у него, возможно, когда-то было, и его не нужно дразнить больше, чем он уже имел на протяжении всей своей жизни.

Нет, ему лучше уехать после Рождества с прекрасными воспоминаниями, которые остались у него здесь, со своей знающей семьей, вернуться к реальности, которую он слишком хорошо знал.

"Ты не спишь, Гарри?" - прошептал Чарлюс, открывая дверь в спальню, в которой он жил.

"Да", - сонно ответил Гарри.

Было пять утра, и они вдвоем легли спать только в два. Они обсуждали с Уильямом некоторые тонкости трансфигурации и прекратили только тогда, когда пришла Анжелика, чтобы прервать их маленькое сборище.

"Ну, пойдём, мама с папой скоро встанут".

Гарри зевнул, встал и последовал за другим мальчиком из комнаты.

"Я не думаю, что они еще проснутся", - усмехнулся он. "Мы легли спать всего три часа назад".

Чарлюс ухмыльнулся.

На Рождество они всегда встают рано. Маме это нравится, и она не позволяет папе оставаться в постели."

Верные своему слову, Уильям и Анжелика встретили их на лестничной площадке, когда они поднялись по лестнице.

"Счастливого Рождества, мальчики", - тепло поприветствовала их женщина.

Уильям просто кивнул, громко зевнув, прежде чем спуститься по лестнице в главную гостиную, где Анжелика, очевидно, была занята предыдущим вечером.

Комната уже была празднично украшена, но она добавила бесчисленные волшебные штрихи.

Вокруг большой рождественской елки кружила стайка фей, каждое взмахивание их крыльев оставляло за собой блестящий след.

По залу маршировали несколько садовых гномов, которых женщина каким-то образом убедила надеть наряды традиционных эльфов, их зеленая униформа и одинаковые шляпы не подходили к их довольно неприглядным лицам.

Однако самым примечательным дополнением были горы подарков.

"У тебя когда-нибудь было такое Рождество, Гарри?" - спросил Чарлюс с усмешкой.

Он этого не сделал.

Рождество всегда было для него горьким праздником, когда он был ребенком, это было до тех пор, пока он не поступил в Хогвартс. Даже тогда он никогда не был свидетелем ничего подобного тому, что было перед ним сейчас.

Он тупо покачал головой, и Чарлюс хлопнул его по плечу.

"Ну, они не откроются сами, приятель", - сказал он с усмешкой. «Что? Ты же не думал, что мы позволим тебе сидеть там и смотреть, как я открываю свои подарки.»

"Но..."

"Лучше не задавай вопросов, Гарри", - убеждал Уильям. "Анжелика не притронется к своему, пока вы двое не закончите, и, между нами говоря, она не терпеливая женщина", - добавил он шепотом.

"Давай", - вздохнул Чарлюс, почти таща его к одной из двух одинаковых стопок. "А теперь копайте, пока я не превратил ваши носки в скорпионов. Я знаю, как это сделать", - предупредил он.

Гарри потерял дар речи, но весело фыркнул, когда Чарлюс преодолел недоверие, которое он испытывал.

"Спасибо", - искренне сказал он родителям Поттеров, которые ободряюще улыбнулись ему.

Словно в тумане, он пробирался сквозь горы полученных подарков, и когда развернул последний, то посмотрел на них с благоговением.

Там была одежда, книги, сладости и много других вещей, в которых он даже не был уверен, но его так согрело не само количество подарков и не то, что они собой представляли.

Дело было в том, что они были даны ему его семьей, даже если они не знали, чем они были для него.

"Моя очередь!" - взволнованно заявила Анжелика, когда Чарлюс и Гарри закончили.

Они наблюдали, как она разрывала подарки, как будто сама все еще была взволнованным

ребенком, задыхаясь, а иногда и радостно визжа, когда натыкалась на что-то, чего действительно хотела.

"Это нормально?" Гарри спросил.

Уильям весело кивнул.

"Она была такой же последние двадцать лет с тех пор, как мы встретились", - усмехнулся он.

"Она сумасшедшая, когда дело доходит до Рождества", - добавил Чарлюс, поднимая рубашку, которую он развернул всего несколько мгновений назад, и одобритительно кивая.

"О, я чуть не забыл", - объявил Гарри, залезая в карман и доставая подарки, которые он купил для Поттеров, каждый из них был завернут в красную и золотую бумагу в тон. Он вручил по одному Уильяму и Чарлюсу, а тот в ответ вручил ему по одному.

"Великие умы", - провозгласил Чарлюс, когда они с Гарри развернули одинаковый набор книг по трансфигурации, которые они подарили друг другу.

Это был набор, который они оба использовали во время клуба трансфигурации, принадлежавшего Дамблдору.

"Ну, я не разочарован", - ответил Гарри.

Чарлюс кивнул в знак согласия.

"Где ты наткнулся на это?" - спросил Уильям, листая том, который Гарри извлек из Тайной комнаты.

Там были две одинаковые копии, обе написанные от руки, и Гарри подозревал, что они были написаны самим Салазаром Слизерином, хотя они и не были подписаны.

Почерк действительно совпадал с запиской, которую он нашел, когда обнаружил библиотеку.

"Я наткнулся на коллекцию, и она была там", - правдиво объяснил он.

Уильям одобритительно кивнул.

"Этому, должно быть, сотни лет", - размышлял он вслух. "Некоторые из этих заклинаний выглядят действительно сложными. Я даже никогда о них не слышал."

Они были.

Гарри предпринял несколько попыток с переменным успехом, но он будет продолжать свои усилия. Они были бы исключительно полезны, если бы были освоены.

"Спасибо тебе, Гарри, это настоящий подарок".

"И для меня", - с улыбкой добавила Анжелика, поднимая волшебные цветы, которые он ей подарил.

Они никогда не увядали и ярко светились в темноте.

Уильям еще раз громко зевнул.

"Что ж, я позволю тебе насладиться твоими подарками, пока я посплю еще несколько часов. Я не так молод, как вы двое, - указал он, указывая на Гарри и Чарлюса. "Увидимся за ланчем".

С этими словами он откланялся, а Гарри и Чарлюс помогли Анжелике убрать выброшенную оберточную бумагу.

"Давай, наслаждайся утром, пока я готовлю обед", - настаивала она, когда они закончили. "У вас там более чем достаточно, чтобы развлечь себя".

Чарлюс с энтузиазмом кивнул, левитируя свою кучу подарков и направляясь к лестнице.

Гарри последовал его примеру и покачал головой.

"Мы собираемся провести утро, работая над трансфигурацией, не так ли?" - спросил он с ухмылкой.

"Ты можешь придумать что-нибудь еще, чем бы ты предпочел заняться?" Чарлюс вернулся.

Гарри не мог.

За последние месяцы он влюбился в это искусство так же сильно, как и в защиту.

"Нет", - честно ответил он.

Разложив подарки по своим комнатам, они провели остаток утра, занимаясь именно этим, пересматривая некоторые вещи, над которыми они работали перед праздниками, и даже пробуя некоторые новые вещи, с которыми они еще не сталкивались в наборе книг, который теперь принадлежал им обоим.

Только после того, как Уильям пришел за ними рано днем, они собрали свои вещи и направились в столовую, где Анжелика встретила их понимающим взглядом.

"Трансфигурация?"

Уильям гордо кивнул, когда женщина покачала головой в притворном отчаянии.

Гарри узнал, что она очень предпочитает чары и довольно хорошо с ними обращается.

"Ну что ж, обед готов", - объявила она.

Гарри мог только восхищаться выставленными на всеобщее обозрение блюдами. Только в Хогвартсе и, возможно, у Уизли он видел столько еды, хотя оба готовили больше, чем на четырех человек.

"Все, что осталось, мы относим в церковь", - объяснил Уильям. "Всегда есть голодные люди, которых нужно накормить".

Гарри понимающе кивнул, занимая свое место.

Опять же, его семья доказывала, насколько они были добры и почему о них так хорошо думали в магическом сообществе.

"Угощайся чем хочешь, Гарри".

"Не говори так", - фыркнул Чарлюс. "Ты не поверишь, сколько он может отложить".

Гарри пнул его под столом и уставился на другого мальчика, который вызывающе поднял бровь.

"Ты из тех, кто умеет говорить", - ответил он. "Я видел, как ты съел двенадцать сосисок".

"Только после тренировки по квиддичу", - защищался Чарлюс.

Гарри что-то напевал, накладывая себе немного картофеля, индейки и овощей, прежде чем полить их соусом.

Все это время родители Поттеров наблюдали за их перепалкой, смеясь над их выходками.

"Ты каждое утро съедаешь на завтрак восемь яиц", - пробормотал Чарлюс, ухмыляясь Гарри, который пожал плечами.

"Хорошо", - фыркнула Анжелика, зная, что это продолжится, если она не вмешается. "Вы оба жадные придурки".

"Я не такой!" - возразили Гарри и Чарлюс, разразившись взрывами смеха.

"Нет ничего плохого в здоровом аппетите", - вмешался Уильям. "Просто подожди, пока ты женишься и у тебя будет жена, которая отчитает тебя за это".

"Я не отчитываю тебя, Уильям", - ответила Анжелика, аккуратно откусывая от своей еды. "Я всего лишь забочусь о твоём здоровье. Есть бекон каждый день вредно для тебя".

"Да, дорогая", - проворчал Уильям, подмигивая Гарри и Чарлюсу.

"И я знаю, что ты пытаешься украсть это тайком", - продолжила женщина. "Помни, Миранда - мой эльф и держит меня в курсе всего, что мне нужно знать".

"Так вот почему ты теперь даешь мне меньше бекона?"

Анжелика беззастенчиво кивнула.

"Черт", - пробормотал Уильям. "Я думал, что у меня там было хорошее дело, и вы двое можете перестать смеяться. Однажды вы поженитесь, и я надеюсь, что ваши жены будут такими же жестокими, как моя собственная", - добавил он подросткам.

"Перестань так драматизировать, Уилл", - весело вздохнула Анжелика.

"Я просто давал мальчикам представление о том, чего они должны ожидать с нетерпением".

"Зачем портить приключение?" она ответила своей собственной усмешкой.

Уильям от души рассмеялся.

"Как я уже сказал, жестоко, но в данном случае я нахожу, что мне это нравится. А теперь ешьте, у нас осталось немного времени, прежде чем мы должны быть в церкви", - напомнил он им.

Поскольку день медленно, но верно подходил к концу, каждый из них наелся досыта, прежде

чем разложить остатки еды по контейнерам, которые Анжелика положила в большую сумку.

"У нас есть час или около того до начала службы", - объяснила она. "Может, нам прийти туда пораньше, чтобы раздать кое-что из этого?"

"Это звучит как замечательная идея", - согласился Уильям, вызвав одобрительные кивки Гарри и Чарлюса. "Мы тоже можем показать Гарри деревню, если будет время. Ты готов к еще одному аппарированию?"

Гарри поморщился при этой мысли.

Он все еще верил, что сможет сделать это без посторонней помощи, но подумал, что сейчас лучше не пытаться, особенно если что-то пойдет не так.

Сириус предупреждал его об опасности этого, и ему не хотелось проводить вечер в больнице Святого Мунго, где ему снова пришивали конечность.

"Просто дай мне знать, когда будешь готов", - настаивал Уильям.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, он кивнул, нервничая из-за того, что увидел место, где его родители встретили свой конец от рук Темного Лорда.

Как и раньше, он почувствовал, что его захлестнуло ощущение, что его заставляют проходить через пространство, которое было слишком маленьким для него, но как только ему удалось открыть глаза, он увидел скромное скопление жилищ неподалеку, освещенных рождественскими огнями.

"Это красивое место", - прокомментировал Уильям, и они вчетвером медленно направились к заснеженной деревне.

"Годрикова лощина очень важна для нашей семьи", - сообщил ему Чарлюс. "Вот откуда мы пришли, ну, это, по крайней мере, настолько далеко, насколько мы можем проследить нашу историю".

"почему?" - с любопытством спросил Гарри.

Чарлюс вопросительно посмотрел на своего отца.

"Деревня знаменита тем, кто здесь родился".

"Годрик Гриффиндор", - уточнил Чарлюс.

Уильям кивнул.

"Только из-за этого было много ведьм и волшебников, которые хотели жить здесь, и из-за этого у нас есть одно из немногих мест, где магглы и волшебный народ живут гармонично вместе. Каким бы полезным оно ни было, оно часто создает проблемы. Магглы видят то, чего не должны видеть, и Министерство регулярно приезжает сюда с командами обливиаторов."

Гарри понимающе кивнул.

"Но что касается того, почему это такое важное место для нас, то нам поручено его защищать", - продолжил Уильям. "Эта обязанность когда-то принадлежала семье Певерелл, но поскольку их здесь больше нет, ответственность легла на Поттеров как на семью, унаследовавшую их

богатство. Ты слышал о Певереллах, Гарри?"

Он покачал головой.

"А должен ли я был?"

"Нет, но они очень известны в определенных кругах", - застенчиво ответил Уильям. "Когда-то они были выдающейся семьей в волшебном сообществе, довольно загадочной для большинства, но они жили здесь и поддерживали мир. Несколько столетий назад Иоланта Певерелл вышла замуж за Хардвина Поттера, а остальное уже история. С исчезновением Певереллов на нас легла ответственность за безопасность Годриковой ложины. Это традиция, к которой мы относимся очень серьезно".

"Папа все время приходит сюда, чтобы проверить жителей деревни, починить все, что в этом нуждается, и тому подобное", - объяснил Чарлюс.

Гарри улыбнулся при этой мысли, хотя это его очень раздражало.

Почему никто не сказал ему об этом? Была ли это семейная тайна, о которой никто не знал?

"И если вы хотите узнать больше о Певереллах и о том, почему они знамениты, прочтите "Сказку о трех братьях", - настаивал Чарлюс. "Это довольно увлекательно".

Уильям бросил на сына предупреждающий взгляд, и Чарлюс успокаивающе покачал головой, успокаивая мужчину.

"В любом случае, теперь мы здесь", - объявил он, и Гарри обнаружил, что его любопытство снова разгорелось.

Почему у Уильяма была такая реакция на то, что Чарлюс счел историей?

Он покачал головой от этой мысли и помог распаковать еду, пока Уильям приветствовал маггловского преподобного, прежде чем вернуться с мужчиной мгновение спустя.

"Как всегда, мы ценим твою щедрость, Уильям", - заявил мужчина. "Ах, а это кто?" спросил он, глядя на Гарри.

"Это друг Чарлюса, Гарри", - представил Уильям. "Он с нами на праздники".

"Рад познакомиться с вами, молодой человек", - сказал преподобный. "Меня зовут Пол Маккей. Я наблюдаю за управлением церковью".

Гарри пожал протянутую руку.

"Если тебе что-нибудь понадобится, Уильям, ты знаешь, где меня найти, и спасибо тебе за то, что ты делаешь".

"Не проблема, Пол", - ответил Уильям с улыбкой. "Ах, Батильда, приятно тебя видеть".

Подошедшая пожилая женщина одарила его беззубой улыбкой.

"Это всегда хороший день, когда Поттер украшает деревню своим присутствием", - предложила она. "Еще один из вас?" - спросила она, нахмурившись, заметив Гарри.

"Нет, нет", - усмехнулся Уильям. "Гарри ходит в школу с Чарлюсом".

"Итак, вы, должно быть, знакомы с моей работой", - гордо сказала Батильда, переключая свое внимание на Гарри. "Я написал Историю магии".

"Батильда Бэгшот?" - спросил Гарри, удивленный встречей с этой женщиной.

"Тот самый", - ответила она, подмигнув.

"Как дела?" - спросил Уильям.

Батильда покачала головой.

"Ежедневные визиты журналистов, и все они ищут сенсацию о Геллерте", - фыркнула она. "Я говорил им достаточно раз, что я умыл руки от мальчика после инцидента с юной Арианой, но нет, они будут упорствовать".

"Вы хотите, чтобы я перекинулся с вами парой слов?"

"Нет, они мне не ровня", - заверила она его. "Может, он и мой племянник по крови, но мне противно то, что он сделал".

"Я знаю", - утешил Уильям. "Мы не можем выбирать семью".

"Моей племяннице не следовало выходить замуж за этого Гриндельвальда", - вздохнула Батильда. "Я знал, что он никуда не годится, но Геллерт намного хуже. Я думал, что знакомство с Альбусом исправит его, но это закончилось только катастрофой."

Гарри застыл, пока женщина говорила, подавляющее количество откровений всего в нескольких предложениях ошеломило его.

Дамблдор и Гриндельвальд были друзьями?

Нет, это не могло быть правдой, не так ли?

Уильям, казалось, не был удивлен, но на лице Чарлюса отразилось такое же потрясение.

Если то, что сказал Бэгшот, было правдой, то неудивительно, что Дамблдор не хотел сражаться с Гриндельвальдом.

Было ли это причиной того, что ему потребовалось так много времени, чтобы противостоять Темному Лорду?

Если это так, Гарри не мог не чувствовать своего уважения к человеку, желающему большего, чем уже было с той ночи, когда умер Сириус.

Если Батильда говорила правду, то на руках Дамблдора было много крови.

"Ты в порядке, Гарри?" - спросил Уильям, вторгаясь в его мысли.

"Я в порядке", - ответил он, заметив, что Батильды там больше нет.

Он не был.

Это было очень тяжело воспринять, почти так же, как и то, что произошло в Министерстве.

Как мог Дамблдор быть так почитаем среди волшебного населения, когда ему потребовалось так много времени, чтобы выступить против Гриндельвальда?

Для подростка это не имело никакого смысла, и он не хотел заикливаться на этом. Его восприятие Дамблдора уже испортилось за последние месяцы, и мысль об этом человеке только усилила его чувство горечи по отношению к фигуре, на которую он когда-то равнялся.

<http://tl.rulate.ru/book/76052/2701109>